

ГАЛИНА СЕРАФИМОВНА БАРАНКОВА*

Кризисные явления в древнерусской книжной культуре XIII–XV веков: сохранение традиций и инновации

BARANKOVA, G. S.: Crisis phenomena in the ancient Russian book culture of the 13th–15th centuries: preservation of tradition and innovations. *Slavica Slovaca*, 56, 2021, No 3, pp. 409–419 (Bratislava)

In the article, two trends in the history of Russian bookwork are traced on the material of manuscripts of the 13th–15th centuries. One trend is related to the preservation of book traditions of the 11th–13th centuries and a reference to the works of Old Russian writers of the preceding period. Anthologies of Old Russian original and translated works are being compiled. Manuscript scribes show great interest in the works of Cyril of Turov and Metropolitan Hilarion. The crisis generates new phenomena in church life: an Early Russian redaction of the *Kormchaya* appears. Local needs were taken into account in the creation of the new legal code of rules and articles. The second issue discussed in the article is related to the manifestations of the second South Slavic influence in Russian bookishness. It notes the coexistence of two spelling norms – early Old Russian and the new Middle Bulgarian (Tárnovský). The choice of this norm depended largely on the redaction of the rewritten text.

Manuscripts, crisis phenomena, Old Russian writers, scribes, second South Slavic influence, spelling

XIII век с его бурными событиями, связанными с монголо-татарским нашествием, породил глубокий кризис в древнерусской жизни. Это было время тяжелых испытаний для древнерусской культуры в целом и книжной культуры в частности. Уничтожение городов, памятников древнерусского искусства, рукописного наследия, – этим далеко не исчерпывается урон, нанесенный высокой культуре домонгольского периода. Кризис явился началом разделения единой древнерусской народности на русскую, украинскую и белорусскую, что впоследствии отразилось и на становлении собственной национальной книжности.

Возрождение древнерусских городов начинается лишь с середины XIV века. Необходимость обороны консолидировала русские силы, способствовала объединению русских земель, формированию русской народности. Другим, более поздним по времени процессом, оказавшим большое влияние на развитие древнерусской культуры и самосознания, явилось падение Византийской империи. Установление турецкого владычества на Балканах было страшной угрозой для славян и вызвало новые кризисные явления в славянском мире, однако Московская Русь в это время во многом преодолела кризис XIII–XIV веков и приняла на себя функции центра православия, что во многом усилило ее значение в мире.

То новое, что появилось во второй половине XIII в. в книжной культуре в результате ожесточенной борьбы русского народа с захватчиками, описано достаточно полно: это высокий патриотизм, выразившийся в воинских повестях, таких как *Повесть о житии Александра Невского*, летописных повестях об осаде и гибели русских городов, *Повесть о битве на Калке*, *Слове о погибели русской земли*, *Повесть о разорении Рязани Батыем*

* Галина Серафимовна Баранкова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

и других. Кроме того, это идея сильной княжеской власти, необходимая для отпора врагов, развиваемая в агиографических произведениях, наконец, это тема Божьей кары за многочисленные грехи народа, представленная в Словах Серапиона Владимирского.

Однако нельзя упрощенно представлять, что кризисные явления породили в древнерусской книжности только произведения, связанные с борьбой с монголо-татарами: воинские повести и тому подобные произведения. Во второй половине XIII века явственно прослеживается еще одна тенденция, связанная с продолжением традиций древнерусской книжности предшествующего, докризисного периода. В связи с этим интересно отметить постоянное обращение русских книжников к творчеству наиболее талантливого и плодovitого древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского. Так, во второй половине XIII в. был составлен сборник, в который вошли торжественные Слова Кирилла наряду со Словами Кирилла Иерусалимского и Поучениями Иоанна Златоуста. Этот сборник Слов и Поучений РНБ, Ф. п. I.39 (Толстовский сборник) сохранил самые ранние тексты торжественных Слов Кирилла. Не исключено, что сам сборник может иметь ростовское происхождение (характерных языковых черт, позволяющих локализовать рукопись, в ней не обнаруживается), так как в Ростове находилась богатейшая библиотека ростовского епископа Кирилла I, которая была известна еще в XIV в. Как известно, северо-восток Руси становится в это время одним из ведущих древнерусских книжных центров. Правописание сборника сохраняет основные орфографические черты, присущие восточнославянским рукописям XIII в.

Еще один сборник, относящийся к тому же периоду, т.е. ко второй половине XIII в., свидетельствует о непреходящем интересе к молитвословию Кирилла Туровского. Это Ярославский сборник молитв (Ярославский музей-заповедник, № 15481), в числе которых молитвы Туровского святителя. На основании анализа молитв этого сборника иеромонах Далмат (Юдин) считает возможным говорить о том, что Кирилл Туровский предстает перед нами не только как русский Златоуст, но и как создатель частного молитвенного обихода на Руси.¹ Исследователи рассматривают этот сборник как предназначенный прежде всего для монастырского пользования. Однако не исключено, что тяжелые испытания, связанные с разрушением городов и селений, массовая гибель людей, многочисленные бедствия, обрушившиеся на народ, вызвали всплеск интереса к молитвословию Кирилла. А обращение к его молитвам могло явиться своего рода защитой от бед и носить спасительный характер. Об этом может свидетельствовать запись в Часослове: «Должень бо есть мнихъ за весь миръ молитися и сотворивъ молитву. Тако коньчавъ уставъ сии убогый Кириль. Тако бо достоитъ мниху работати Богови, не тъкмо за своя молится Богу, но и за чюжия и за врагы, и не за едины крестьяны, но и за поганья, да быша обратилися къ Богу, и на бѣсы, да быша имъ не створили пакости» (л. 162). Диалектная принадлежность Ярославского сборника должна стать предметом детального исследования. М. Н. Сперанский с уверенностью характеризовал его как южнорусскую по происхождению рукопись, отмечая при этом случаи мены ъ /е в суффиксе -ѣііе, а также в других случаях, написания -ью, ыи и переход редуцированных в гласные полного образования (вокоусивъ, избобранныя), что, несомненно, еще не говорит о ее киевском происхождении. М. Н. Сперанский считал, что рукопись с юга Руси попала на северо-восток, в богатую Ростовскую библиотеку и много позже в собрание библиотеки Спасо-Преображенского монастыря.²

¹ Далмат (Юдин), иером.: Неопубликованные материалы и исследования академика М. Н. Сперанского, посвященные Ярославскому Часослову (XIII в.). In: Слово и образ, 2020, № 1(2), с. 72.

² Сперанский, М. Н.: Ярославський збірник XIII в. In: Науковий збірник за рік 1924. Записки Всеукраїнської АН. Київ, 1925, т. 19, с. 29-36.

Еще одним автором домонгольского периода, к которому обращались древнерусские книжники XIII в., был митрополит Иларион, отрывок из Слова о Законе и Благодати которого содержится в отрывке в сборнике также второй половины XIII в. (БАН, 4.9.37, Финл. 38).

В условиях глубокого кризиса ведущая роль в культурном развитии Руси принадлежала церкви. Кризисные явления зачастую порождают фигуры, способные предложить новые пути выхода из них. Такой личностью стал киевский митрополит Кирилл II, по инициативе которого во второй половине XIII в. была начата огромная работа по созданию Ранней русской редакции Кормчей книги. Причем это было не простое восстановление церковно-юридических памятников, частично пострадавших или утраченных в период монгольского нашествия, а создание принципиально новой редакции Кормчей книги, возникшей в результате соединения правил Древнеславянской кормчей (ее старший список Ефремовский XII в.) и толкований к ним из Сербской кормчей, а также включения в Русскую редакцию ряда древнерусских и некоторых южнославянских статей. Это предприятие имело огромное значение не только для канонической литературы и возобновления традиций, связанных с переписыванием Кормчих книг (напомним, что как Древнеславянская, так и Сербская кормчие продолжали активно переписываться в этот период, так, в 1284 г. была написана Рязанская кормчая сербской редакции). Не менее существенным фактом для древнерусской книжности явилось обращение книжников к ранним древнерусским сборникам, содержащим статьи по указанной тематике. Особенно важно, что в Русскую редакцию на самом раннем ее этапе (что отражено в оглавлении Кормчей) вошли важные в церковно-юридическом отношении Правило Иоанна II, митрополита Русского, Кириково Вопросание и Правила Кирилла, митрополита Русского. Однако в таком виде до нас текст Кормчей не дошел. Проведенное текстологическое исследование, осуществленное при подготовке к изданию старшего списка Ранней русской редакции Новгородской кормчей 1282 г. (ГИМ, собр. Синодальное № 132) авторским коллективом под руководством М. В. Корогодиной, подтвердило разделение Ранней русской редакции на две группы (изводы, согласно терминологии Щапова), предложенные Я. Н. Щаповым при типологической классификации: более древнюю Волынскую и Новгородско-Варсонофьевскую.³ Включение древнерусских статей в текст Ранней русской редакции Кормчей представляет интерес прежде всего как с точки зрения их авторитетности для древнерусского церковного права в кризисный период истории, так и с точки зрения интереса к этим памятникам на местах. В этом отношении показательной является западно-русская Волынская группа списков Кормчей. Эта группа практически устранила из своего состава древнерусские произведения, которые так или иначе могут быть связаны с Новгородом – в ней отсутствует Кириково Вопросание, а также правило митрополита Кирилла, содержащее ряд указаний на новгородскую область, при сохранении единственного древнерусского произведения – Правил митрополита Иоанна. Примечательно, что из Варсонофьевской кормчей XIV в., происхождение которой связывают с Северо-Восточным ареалом Руси, Кириково Вопросание было также исключено. Таким образом, в новых условиях при создании обновленного церковно-юридического свода правил и статей учитывались местные потребности и формировался новый взгляд на уже существовавшие произведения домонгольского периода. В известном смысле наблюдается противопоставление северо-западной книжной традиции, представленной Новгородским списком кормчей 1282

³ Щапов, Я. Н.: Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. Москва: Наука, 1978, с. 270–275.

г. и псковским Тихомировским списком и близкой ей северо-восточной традицией, пополнившей Кормчую новыми статьями, западно-русской книжной канонической практике. В то же время на втором этапе составления Кормчей русской редакции (предположительно, это конец 70-х начало 80-х годов) она пополнилась еще рядом статей, в том числе правилами для монахов, епитимийниками, но самое примечательное, что в состав этой Кормчей было включено Сказание о черноризском чине Кирилла Туровского. Таким образом востребованность и авторитет этого писателя на протяжении всего XIII века оставался очень высок, и постоянное обращение к его произведениям было не случайным.

Вторым предметом обсуждения, связанным с кризисными явлениями в русской книжности конца XIV–XV вв., является вопрос второго южнославянского влияния, касающийся больших изменений, появившихся в ней в указанный период. Положение о втором южнославянском влиянии впервые было сформулировано А. И. Соболевским,⁴ который считал, что его истоки заключались в восстановлении культурных связей восточных славян с южными, с завоеваниями Балкан турками и деятельностью приехавших на Русь южнославянских книжников. Основными моментами в этом процессе ученый называл увеличение корпуса пришедших на Русь текстов, в том числе новых переводов, а также существенные изменения в графике и орфографии рукописей, распространение нового типа письма (полуустава), постановки новых надстрочных знаков и знаков пунктуации. Интересно замечание Соболевского о том, что следствием этого этапа в развитии древнерусской книжности явилось стирание ее местных особенностей. Впоследствии этой проблемой занимались многие отечественные и зарубежные слависты; постановке вопросов, связанных с изучением названного явления, посвящена работа Д. С. Лихачева.⁵

Однако эта точка зрения на рассматриваемое явление была пересмотрена в трудах Л. П. Жуковской, отрицавшей факт существования второго южнославянского влияния, называвшей само явление грецизацией и архаизацией и писавшей, что «время распространения в русской письменности орфографических особенностей, сходных с орфографией южнославянских рукописей, определяется примерно на век позже, чем это принято в нашей литературе вопроса»,⁶ т. е. она относила это явление ко второй половине XV и всему XVI в.⁷ Этот вывод Жуковской вызвал неоднозначную оценку у специалистов. Мнения разделились: одни слависты (в том числе Д. Ворт, Т. М. Николаева) поддержали его, считая, что «лингвокультурные явления данного периода в истории русского литературного языка следует считать не столько иноязычными (инославянскими), сколько автохтонными (архаизирующими или псевдоклассическими)».⁸ Другие, признавая сам

⁴ Соболевский, А. И.: Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. Санкт-Петербург, 1894. См. также Соболевский, А. И.: История русского литературного языка. Ленинград: Наука, 1980. Приложение 2, с. 147–158.

⁵ Лихачев, Д. С.: Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Москва: Издательство АН СССР, 1958, 67 с.

⁶ Жуковская, Л. П.: О южнославянском влиянии XIV–XV вв.: На материале проложного Жития Евгении. In Демина, Е. И – Чешко, Е. В. (eds.): Язык и письменность среднеболгарского периода. Москва: Наука, 1982, с. 50.

⁷ См. об этом также: Жуковская, Л. П.: К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисы по спискам 1282–1632 гг.) In Демьянов, В. Г. – Дубровина, В. Ф. (eds.): История русского языка: Исследования и тексты. Москва: Наука, 1982, с. 227–287; Жуковская, Л. П.: Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV–1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние»). In Жуковская, Л. П. (ed.): Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. Москва: Наука, 1987, с. 144–176 и другие работы этого автора.

⁸ Worth, D.: Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка. In: Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Москва: Наука, с. 222–223; см. также Николаева, Т. М.: Нерешенные проблемы истории русского литературного языка. In: Ученые записки Казанского государственного университета, 2008, т. 150, кн. 6, с. 266–272.

факт этого явления, смотрят на него по-разному. Р. Пикио предпочитает говорить не о влиянии одной литературы на другую, а «о разных фазах одного эволюционного процесса» и подчеркивает церковнославянское единство славянских литератур.⁹ Современные ученые отмечают также появление в этот период нового стиля в древнерусской литературе – так называемого стиля плетения словес, связанного с общими процессами, происходящими в литературе южных и восточных славян в указанный период. В. М. Живов видит в феномене второго южнославянского влияния попытку создания православной ойкумены со своей идеологией и унифицированным языком.¹⁰ Комплекс содержательных статей о втором южнославянском влиянии был написан А. А. Туриловым, который отмечал асинхронность проявлений признаков влияния и предложил свою периодизацию этого явления.¹¹

С нашей точки зрения более взвешенным представляется подход к явлению архаизации как к одному из процессов, имевших место в восточнославянской книжной культуре, которое происходило значительно раньше, чем во второй половине XV в. и в большой степени было связано с обращением к репертуару древнерусской книжности домонгольского периода.¹² Другим же, несомненно, стало направление, вызванное распространением в восточнославянской книжности значительного числа новых южнославянских переводных и оригинальных текстов в новой среднеболгарской орфографии. Однако проявления этого процесса в русской книжности, особенно по разным регионам, представляют довольно сложную и во многом еще не изученную картину. При этом, обсуждая вопрос о сохранении традиционного и появившихся инновациях в русской книжности, нужно говорить не только о новой графике и орфографии рукописей, но и о содержательной стороне памятников. Оба процесса были порождены преодолением кризисных явлений в общественной жизни набирающего силу русского государства. Одно из них диктовалось внутренними потребностями собственного развития, другое – в большей степени было ориентировано на внешние связи.

С тезисом о собственном развитии книжной традиции, связанным с получением автокефалии русской церкви (1448 г.), падением Константинополя в 1453 г., когда возникает почва для появления идеи «Москва третий Рим», нельзя не согласиться. Но нельзя упускать из виду, что в том же XV в., а не только в более поздний период, о котором говорила Л. П. Жуковская, мы имеем не менее важную тенденцию в развитии древнерусской книжности – а именно продолжение книгописной традиции, связанной с обращением к произведениям домонгольского периода с сохранением при переписывании этих текстов старых графико-орфографических норм. Эта тенденция сохранится и на протяжении всего XV и отчасти XVI века.

В качестве одного из наиболее ярких примеров обращения к древнерусским книжным традициям домонгольского периода в начале XV в. может служить один из интереснейших сборников этого периода – Софийский (РНБ, собр. Софийское № 1285 первой тре-

⁹ Пикио, Р.: История древнерусской литературы. Москва: Крузь, 2002, с. 129.

¹⁰ Живов, В. М.: Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV–XVI вв. In Толстой, Н. И. (ed.): Славянское языкознание: Доклады российской делегации. XI Международный съезд славистов, Братислава, сентябрь 1993 г. Москва: Наука, 1993, с. 118.

¹¹ См. статьи этого автора по указанной проблематике: Турилов, А. А.: Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение и культура славян: Этюды и характеристики. IV. «Второе южнославянское влияние» и русская культура XIV–XVI вв. Москва: Знак, 2012, с. 519–755.

¹² См. об этом также Турилов, А. А.: Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» (примечание 18). In Турилов, А. А.: Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение и культура славян: Этюды и характеристики..., с. 532.

ти XV в.), представляющий собой своеобразную антологию разного рода оригинальных и переводных древнеславянских и древнерусских сочинений, в их числе большая подборка статей из Изборника Святослава 1073 г., догматические главы Богословия Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского, учительные статьи, древнерусские поучения, антиязыческие и антилатинские статьи.¹³ В Софийском сборнике представлены фрагменты переводов, в том числе древнерусских, ранее неизвестных в науке: отрывки из Андриант и переводы из Шестоднева Севериана Гавальского. Его редактор-составитель руководствовался идеями составителей сборников старшего периода, имел в своем распоряжении древнейшие тексты. Сборник по своим диалектным чертам имеет выраженное новгородское правописание.

Графико-орфографическая система письма Софийского сборника позволяет предположить, что рассматриваемый сборник в основной своей части был переписан с древнего восточнославянского оригинала, сохранившего правописные черты XII–I-й полов. XIII в. Новые написания, связанные со вторым южнославянским влиянием, в рукописи редки (это единичное число примеров употребления **ї** перед буквами гласных, написание буквы **ѡ** с перевернутой головкой и ее употребление почти всегда в числовом значении, исключения единичны). В текстах довольно последовательно пишется диграф **оу** как в начале слов, так и в середине после букв согласных (написания с «уком») единичны и отмечаются только на конце строки), в то же время встречаются немногочисленные написания монографа **ѣ**, в том числе на конце строки. Буква **ѡ** употребляется только в начале слова и никогда после букв согласных, **ѣ** вообще отсутствует. К числу ранних древнерусских черт относится также употребление **ж** на месте этимологического сочетания *dj. В сочетаниях редуцированных с плавными, когда редуцированный предшествует плавному, редуцированный (или проясненный гласный) всегда пишется по-восточнославянски: **мѣртваѣи, дѣрзновение, ѡсквърнить** и т.п., написания с **жд** немногочисленны и приходятся в основном на текст Богословия. Широко представлены полногласия, архаические грамматические формы. Таким образом, и само содержание сборника, и его правописные нормы имели ярко выраженный архаический характер и были почти полностью ориентированы на восточнославянские традиции, существовавшие в ранний период древнерусской книжности.

Подобную картину можно видеть на примере списка Слова о законе и благодати митрополита Илариона (ГИМ, собр. Синодальное № 591 третьей четв. XV в.), сохранившего не только ранний текст памятника, но во многом и его раннее правописание. В то же время неполный набор орфограмм, связанных со вторым южнославянским влиянием, в этом списке все же присутствует: это употребление **ж**, «зияние», т.е. написание нейотированного **а** перед буквами гласных (**всѣа, оуѣаенаа, безвѣстнаа** и под.), написание **жд** на месте этимологического сочетания *dj, написания с **ї** перед буквами гласных, реже – согласных.¹⁴ В несохранившемся оригинале Мусин-Пушкинского списка Слова о Законе и благодати 1414 г., если судить по изданию В. И. Срезневского его копии (или копии с копии), выполненной в XIX в.,¹⁵ древнерусские орфографические особенности преобладали. Это употребление **ж** < *dj, буквы **ѣ**, отсутствие **ї** и «зияния», употребление диграфа

¹³ Его издание см.: Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник. Издание подготовили Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2013. 539 с.

¹⁴ Молдован, А. М.: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Киев: Наукова думка, 1984, с. 38-65.

¹⁵ Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX-го века. Издал Вс. Срезневский. Приложение к LXXII тому Записок Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1893, с. 32-68.

оу в начале слова, а буквы у после согласных, наличие древнерусских причастных форм (спячего), полногласных форм.

При анализе книжного репертуара, поступившего на Русь в конце XIV–нач. XV в., обычно анализируются новые южнославянские переводные и оригинальные тексты. Однако интересно сопоставить древнеболгарские произведения, ранее уже существовавшие в XI–XIII вв. в древнерусской книжности, с новыми болгарскими редакциями. В этом отношении перспективно сопоставить раннюю русскую редакцию Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского с поступившей на Русь по видимому в конце XIV в. второй болгарской редакцией этого памятника. Несмотря на то, что старшие русские списки Шестоднева датируются только XV в., проведенное текстологическое исследование памятника позволило установить существование его ранней русской редакции, вероятнее всего возникшей в XI–XII вв. Лингвистический анализ показал, что эта редакция сохранила в своем правое писании типичные русские орфографические черты, которые не утратились при переписывании в более поздний период истории языка в XVI и XVII вв.¹⁶ Вторая болгарская редакция представлена старшим русским списком ГИМ, собр. Барсова № 90, тр. четв. XV в. (далее Бар-90), а также единственным сохранившимся болгарским списком ГИМ, собр. Синодальное, № 35. Особенно интересно, что в Барсовском списке на л. 336 сохранилась переписанная с антиграфа запись писца 1414 г. (6922) о времени и месте написания рукописи: **Вѣ лѣ^т, ѿ цѣ кѣ написана быша сѧ книги мѣ^тию бѣ^тию по сотворенію бѣ^тию по бытію преж^{дѣ} бывшему сѣ^ти ѿ^т лювопотрѣ^жденію а списаны быша сѧ книги въ градѣ москѣ въ зем^ли словенсѣ^би. при державѣ бл^гговернаго велікаго князѧ василіа дм^ирееви^ч при архіеп^итѣ фотіи кыевскомѣ всеа р^усѧ а замышленіе^и и строением настав^ника моего фе^вра протопопа роукою же смѣ^ренаго и маломощнаго днака стефана. се же азъ многогрѣ^шныи и недостойныи по^кушахсѧ написати сѧ кни^ги х^ри^и имѣ^а разо^умѣ не имѣ^а о^ума добра къ покаанію. іако до^рѣво въ п^устыни вет^рѣ колѣ^блимо. но сѧ всѧ вставляше и на прѣ^дечнаа възвратисѧ. аще сѧ комоу прил^учи^т сѧ книги чести. а ци б^уд^у гдѣ вписалсѧ ли сѣ до^ру^го г^ла. или мысла неподобнаа или забвеніемъ о^ума моего. ѿбѣ^та^ченоу со^ущ^у и ѿременен^ъ печальми. и п^ианьствы временными. но вы г^дне и о^ци и братіа ко^жо свои до^оумѣ^ат^ьство^и исправливаа ч^ттѣ. а не клините. писано бо ѿ бл^гва^чини тѧ бл^гвни а клен^ущен тѧ прокл^ати.**

Русская орфография записи писца не вызывает сомнений, хотя трудно судить, насколько точно скопировал ее писец со своего антиграфа, в ней представлены некоторые элементы второго южнославянского влияния: «зияние» (всеа, сѧ, днака, имѣа), написания с ѣ, причем не только перед буквами гласных, но и после согласных, ѧ для обозначения ја (неподобнаа, прѣ^дечнаа), наряду с монографом у после букв согласных в ней употребляется и диграф. Однако сравнение этой скопированной с антиграфа записи в рукописи третьей четверти XV мало отличается от оригинальной записи писца 1419 г. в рукописи Лествицы Иоанна Синайского (РНБ, ОСПК ОР Q. п. I.17): **Вѣ лѣ^т .ѿ. цѣ. кѣ индикта .ѿ. написана бж^твенаа лѣ^тствица. По бл^гвенію г^на прес^вщеннаго ф^от^иа митрополита к^иевскаго и всеа р^усѧ а замышленьем и състроеньем^и ч^тн^иишагъ въ с^иеннон^ио^кѣ старца савы. р^укою же послѣ^дна въ д^иацѣхъ стефана.** В этой записи наблюдаются те же случаи «зияния», написания с ѣ перед буквами гласных, с ѿ после согласной, а также широкое якорное е. Таким образом, графико-орфографические особенности второго южнославянского влияния

¹⁶ Шестоднев Иоанна Болгарского. Ранняя русская редакция / Издание подготовила Г. С. Баранкова. Москва: Индрик, 1998, с. 18–39.

отражались и в оригинальных записях древнерусских писцов, хотя и не в полном объеме. Приведенные же в работе Л. П. Жуковской писцовые записи, относящиеся к первой трети XV в. и имеющие к тому же новгородское или псковское происхождение, в которых отсутствуют эти особенности,¹⁷ лишь подтверждают тезис о сосуществовании двух тенденций в названный период – сохранении традиционного написания и инновациях в орфографии.

Правописание русских списков Шестоднева XV в., относящихся к ранней русской редакции, резко отличается по своему характеру от правописания списков второй болгарской редакции, переписанных в этот же период. Первые из них сохраняют в своей орфографии типичные русские черты: в ряде списков отсутствует буква **ж** (ГИМ, собр. Чудовское, № 171, 1492 г., РНБ ф. 550 (ОСРК) № 47, РНБ, собр. Соловецкое № 318), в списке РГБ, собр. Московской Духовной академии, тр. четв. XV в. изредка отмечается неэтимологическое употребление буквы **ж**, однако мены юсов не наблюдается. Во всех списках преобладают восточнославянские написания в сочетаниях типа ***ъртъ**, **ъртъ** (**скъръбъ**, **первовытныи** и т.п.), отмечается последовательная передача ***dj** как **ж**, постоянны написания с начальным **оу** в соответствии с **ю** в южнославянских рукописях (**оужичьныи**, **оуноша**, **оуольникъ**, **оугъ** и т.п.), в области грамматики списки характеризуются наличием большого числа нечленных прилагательных и причастий, что также указывает на древность их протографа. Существование ранней русской редакции в значительно большей степени подтверждается лексико-словообразовательными особенностями списков и их лексической близостью к древнейшему сербскому списку Шестоднева 1263 г. Однако примечательно, что писцы XV и XVI вв., копируя эту редакцию, в значительно меньшей степени использовали графико-орфографические приемы, связанные со вторым южнославянским влиянием.

Русские списки второй болгарской редакции XV в. характеризуются совсем другим набором правописных особенностей, связанных со среднеболгарской орфографической системой. Это списки XV в.: РНБ, собр. Кирилло-Белозерское № 1/126 (Бел-1), РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 443 (Вол-443), упомянутый выше список Бар-90, а также список нач. XVI в. (1502 г.?) РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 1186 (Сол-1186) и список XVI в. РГБ, собр. Попова № 162 (Поп-162). В большинстве из них употребляется буква **ж**, при этом в том же Бар-90 и других списках этой редакции нередки случаи смещения юсов (и как отражение этого смещения написания букв **Ѹ**, **ю** вместо **ѡ** и наоборот): **и таже имѡ ѡлюбовѣ къ неплаваюцимъ плавающѣ звѣзды и къ троѡглынымъ и къ четвороглынымъ** Бар-90, л. 128 об., **ѡжичень** Бар-90, л. 132, **нѣ ли то все вѣсѣщагосѡ Ѹма дѣло** Сол-1186, л. 158, Бар-90, л. 129 об., **имже всѡ звѣзды таже зовемъ неплавающаа и плавающаа поутѣ** (вместо **пѡтѣ**) Бел-1, л. 93 об. и т.п. Эти написания с меной юсов сохраняются в списках той же редакции в XVI и даже в XVII в.: **въ ѡзинѣ** Поп-162, л. 229 об., **в ѡбѡполныхъ ѡдоли** Поп-162, л. 237 и т.п. Как отражение среднеболгарского правописания наблюдаются примеры написаний с **ѣ** вместо **ѡ**: **прѣмѣнѣть** Бар-90, л. 138, **ѡвлѣющисѡ** Бар-90, л. 130 об., **землѣ же бѣше невидима** Сол-1186, л. 88. Написания типа ***ъртъ**, **ъртъ** передаются в южнославянском варианте, т.е. редуцированный (или проясненный гласный) пишется чаще всего после плавного. Отмечаются примеры «зияний», последовательное употребление букв **ї**, **ѡ**. Волоколамский список (Вол-443), датируемый последней четвертью XV в., содержит вкладную запись 1502 г. о том, что дьяк великого князя Данило Момырев прислал книгу Шестодневник «**при игуменѣ Данилѣ въ Осифовѣ мастырѣ**». На связь рукописи с московской книгописной мастерской указы-

¹⁷ См. Жуковская, Л. П.: Гречизация и архаизация русского письма..., с. 152-155.

вает миниатюра с изображением Василия Великого, которая представляет копию XV в., сделанную московским иллюстратором с болгарской миниатюры XIV в.¹⁸ Полууставный почерк писца имеет элементы грецизированных написаний и ярко выраженные орфографические особенности второго южнославянского влияния: **дрѣжа, крѣмѣщюса, вѣтъкы, ѡтверѣдивѣса, искрѣннаго** (в сочетаниях типа *tʹrt); написания с **ѡ** после букв согласных: **мнѡгы, началѡ, рѡды, хѡщеть**; «зияние»: **великаа, морьскаа, рыбныа** и т.п.; **жд** в соответствии с *dj; **ѡ** в начале слов: **ѡдѣ, ѡнца** и т.п. Писец Вол-443 не употреблял букву **ж**, однако в тексте видны следы ее употребления в антиграфе списка, имевшем среднеболгарское правописание, ср. **ноу** = **нж**, а также мену юсов, что отразилось на письме: **акы повонѣа пловѣщеа** вместо **акы повонню пловѣщею** л. 8 об. (**повонь** «река, поток»), **ѡмѣщи** вместо **ѡмлющи**, в списке отмечены пропуски I-epentheticum: наряду с **ѡмѣщи, ѡмѣть** встречается и **ѡмѣлетъ**. Таким образом, правописный характер списков Шестоднева XV в. был связан не столько со вторым южнославянским влиянием, сколько с орфографической традицией самого переписываемого текста. Обе традиции – ранняя древнерусская правописная норма и новая южнославянская – сосуществовали на равных, однако писцы в большей степени ориентировались на оригинал, с которого они делали свои копии. Ареалом распространения второй болгарской редакции Шестоднева и соответствующих ей норм второго южнославянского влияния можно с достаточной степенью достоверности считать Москву. Возникновение же ранней русской редакции Шестоднева с сохранением ее древнерусского правописания вероятнее всего связано с Новгородом, по крайней мере три из ее старших списков имеют новгородские языковые особенности, четвертый список (РГБ, собр. Гранкова № 46) является близкой копией списка РГБ, собр. Московской Духовной академии № 145.

Зависимость между редакцией текста и его правописанием можно видеть и на примере уже упоминавшихся списков Кормчей Ранней русской редакции: в списках Волынской группы, связанных с юго-западным ареалом ее распространения, проявляются характерные черты второго южнославянского влияния. Один из списков Волынской группы – Арадский (Арадское епископство в Румынии, № 21, XV в.), вероятнее всего, молдавский по происхождению, имеет последовательно проведенное среднеболгарское правописание, что характерно для правописания молдавских рукописей. Не исключено, однако, что его писец мог быть выходцем из юго-западных русских территорий, ибо в местном книгописании также широко использовалась среднеболгарская орфография. Близкой копией Арадского списка является Погодинский список XVI в. (РНБ, собр. Погодина № 234 XVI в.) со значительными следами второго южнославянского влияния в правописании, тогда как Тихомировский список XV в. (ГПНТБ СО РАН, Тихом. Р-539), относящийся к Новгородско-Варсонофьевской группе, продолжает традиции древнерусского правописания. Его в малой степени затронули особенности второго южнославянского влияния, а часть рукописи (лл. 143-153, 285-295) обладает ярко выраженными архаичными особенностями: написанием буквы **ѣ**, **к**, употреблением монографа **у** после букв согласных. Зависимость орфографии от редакции текста особенно наглядно проявляется на правописании Харьковского списка (Харьковский исторический музей, № 21129, XV в.). Его первая часть, как установила М. В. Корогодина, переписана с антиграфа Новгородско-Варсонофьевской группы, а вторая – с Волынского. При этом первая часть датируется серединой XV в., вторая, котор-

¹⁸ Попов, Г. В.: Московская копия конца XV в. с болгарской миниатюры предшествующего столетия. In: Советское славяноведение, 1969, № 1, с. 91-94.

ая восполнила утраченную вторую половину этой рукописи, была создана на рубеже XV–XVI вв.¹⁹ Для первой части рукописи характерно архаичное древнерусское правописание, список практически не затронули особенности второго южнославянского влияния, в нем не употребляется буква **ж**, отсутствуют случаи «зияния», буква **ї** употребляется только в конце строки, ср. **миръскї|га** и **любскїа** л. 11в, **болезнї|** 10а, **в никї|и**, изредка в союзе **їаи**, довольно последовательно пишется буква **ѣ** после согласных, **оу** – в начале слов, то есть его правописание сходно с орфографией Тихомировского списка. Сочетания типа ***търт** передаются только в восточнославянском варианте и т. п. Вторая часть Харьковского списка, переписанная с протографа Воынской группы, обладает в правописании довольно выраженными признаками второго южнославянского влияния.

Существовала еще одна редкая и вместе с тем ранняя по времени традиция сознательной болгаризации правописания, которая относится к первой четверти XV в. и представлена единичными и вызывающими дискуссию примерами. Это список Торжественника РНБ, ОЛДП F.215, на который в свое время обратил внимание Турилов, а позднее его описала Ж. Л. Левшина,²⁰ содержащий семь Слов Кирилла Туровского. Список интересен тем, что он переписан монахом новгородского Лисицкого монастыря Серапионом с последовательным использованием среднеболгарской (тырновской) орфографии. В связи с этим возникает ряд вопросов и прежде всего – существовал ли для него среднеболгарский оригинал Слов или писец просто следовал правописной среднеболгарской норме. А. А. Турилов, первоначально полагавший, что для сборника существовал среднеболгарский антиграф, впоследствии изменил свое мнение и в настоящее время считает, что в этом случае нужно говорить «о сознательной болгаризации орфографии списка русским писцом».²¹ При этом следует отметить, что большинство известных нам списков Туровского епископа XV–XVI вв. ориентированы на древнерусскую правописную норму. Таков, например, список XV в. РГБ, собр. Пискарева № 92, сохранивший как текст Слов Кирилла Туровского в ранней редакции, так и раннее древнерусское правописание без следов второго южнославянского влияния. В тексте Слов Кирилла последовательно употребляется монограф **ѣ** после букв согласных, отсутствуют буквы **ї**, **ж** и т. п. Список же Серапиона следует рассматривать как одну из попыток писца следовать новомодным правилам, если не предполагать его выучку на Афоне. В связи с этим важным представляется вопрос об отношении писца к переписываемому им тексту. Согласно наблюдениям Ж. Л. Левшиной, монахом Серапионом было полностью или частично переписано еще восемь рукописей, которые также характеризуются последовательно проведенными среднеболгарскими правописными нормами: РГБ, ф. 304.І.собр. Троице-Сергиевой лавры: № 44, перв. пол. XV в.; № 175, 1451 г.; № 687, 1444 г.; № 708, перв. пол. XV в.; № 748, перв. пол. XV в., № 749, перв. пол. XV в.; РНБ: собр. Кирилло-Белозерское XII, перв. четв. XV в., собр. Софийское № 1366, перв. четв. XV в.²²

Таким образом, анализируя кризисные явления в русской книжности XIII в., а затем XIV–XV вв., которые породили разнообразные по своим последствиям тенденции, необ-

¹⁹ Корогодина, М. В.: Кормчие книги XIV–XVII века. Том 1. Исследование. Москва – Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2017, с. 264, 266.

²⁰ Левшина, Ж. Л.: «Болгаризованное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и второе южнославянское влияние. In Кистерев, С. Н. (ed.): Очерки феодальной России. Москва – Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2013, вып. 16, с. 3–50.

²¹ Турилов, А. А.: Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и второе южнославянское влияние..., с. 524, 548.

²² Турилов, А. А.: Восточнославянская книжная культура..., с. 36–49.

ходимо, на наш взгляд, учитывать два сосуществовавших направления, одно из которых на протяжении веков было связано с продолжением традиций древнерусской книжности, а другое приводило к поискам новых форм и решений, к смене системы письма, изменениям графико-орфографических приемов, однако не изменяло главное – национальную идентичность древнерусской книжности.

Krízové jazy v staroruskej knižnej kultúre 13.–15. storočia: zachovanie tradícií a ich inovácie

Galina S. Barankovová

V článku sa sledujú dva vývinové aspekty v dejinách ruskej písomnej kultúry na materiáli rukopisov 13.–15. storočia. Jeden aspekt súvisí so zachovaním písomnej tradície 11. – 13. storočia a odkazom na diela starých ruských autorov. V tom čase vznikali zborníky originálneho obsahu a preklady. Podľa znalcov tejto fázy rukopisnej tvorby sa do popredia dostáva najmä záujem o diela Cyrila Turovského a metropolitu Ilariona. Kríza do cirkevného života prináša nové jazy: vzniká raná ruská redakcia Kormčej knihy (nomokánona). Pri tvorbe nového právneho poriadku sa zohľadňujú miestne potreby. Druhý aspekt, o ktorom sa v článku hovorí, súvisí s druhým južnoslovanským vplyvom na ruskú knižnú kultúru. Toto vývinové obdobie charakterizuje koexistencia dvoch pravopisných noriem – ranej staroruskej a novej stredobulharskej (tárnovskej). Voľba pravopisnej normy do značnej miery závisela od redakcie prepisovaného textu.